

● Тридцать три года с лишним назад, 14 января 1956 года, Московский музей древнерусского искусства имени Рублева с согласия Кирилловского музея (Вологодская область) получил из деревянной церкви Рождества Богородицы, что на речке Бородаве около Ферапонтова монастыря, девятнадцать икон XV—XVII веков для расчистки и изучения, причем с официально оформленным обязательством вернуть их в Кириллов сразу после завершения работ. И хотя расчистку шедевров в Государственных центральных художественно-реставрационных мастерских столицы провели быстро и изучение их давно завершили, иконы так и не возвратили их законному владельцу. Под разными, часто надуманными предлогами передача их оттягивалась рублевцами в течение тридцати лет.

НАКОНЕЦ в феврале 1987 года под лажимом Министерства культуры РСФСР работники столичного музея согласились возвратить иконы в Кириллов. Но одновременно они попросили администрацию Кирилловского музея продлить срок их временного хранения в Москве до декабря, дескать, чтобы не переплывать экспозицию на летний туристический сезон. Руководство рублевского музея даже поспешно выдать своим коллегам в Вологодской области гарантийное письмо, клятвенно обещая сдержать слово. Те «вошли в положение», но все же составили новый акт о временной выдаче икон (от 18 апреля 1987 г.), подписанный, в частности, и нынешним директором рублевцев С. Вашлаевой.

Когда же по истечении названного срока сотрудники Кирилловского музея прибыли в Москву получать свои сокровища, Вашлаева отказалась от ранее данных гарантий и иконы не отдавала, мотивируя свои действия тем, что, мол, отсутствие кирилловских памятников «обеднит экспозицию» столичного музея. При этом ей почему-то в голову не пришло, что тем самым она обедняет экспозицию на Вологодчине и даже более того — нарушает закон, так как данные произведения искусства юридически принадлежат не Москве, а Кириллову.

Мы, конечно, можем понять мотивы, которыми руководствуется директор рублевцев. Действительно, трудно расстаться с шедеврами, которые находятся здесь уже треть века и неизменно показываются на многих престижных выставках. К тому же с тех пор как были даны последние гарантии возвращения икон в Кириллов, столичный музей был преобразован в Центральный музей древнерусской культуры и искусства, то есть перешел из ведения Министерства культуры РСФСР в союзное подчинение, и дирекция музея не сочла теперь нужным считаться с распоряжениями своего бывшего Главного управления. Тем более что Министерство культуры СССР, следуя своему сомнительному правилу застойной поры — ни во что не вмешиваться, — предпочло, как говорится, умыть руки.

В результате создалась ситуация, которую теперь можно считать разве что Комитетом народного контроля СССР или Докучаатурой. Ведь помимо всего Кирилловский музей за это время понес огромный моральный и материальный ущерб, так как принадлежащие ему произведения искусства без всякого на то согласия экспонировались на выставках не только в Москве, но и в Бельгии, США, Мексике, Италии и других странах. Они

неоднократно репродуцировались в альбомах и каталогах. К слову говоря, с февраля минувшего года действует приказ Министерства культуры РСФСР, согласно которому за каждый просроченный день хранения выданного на время памятника держатель платит 10 рублей штрафа. Нетрудно подсчитать: рублевский музей давно бы уже разорился, если бы этот приказ не остался на бумаге. К сожа-

Так делается, например, в Голландии, причем из поясняющих табличек всякий может узнать, кому именно принадлежит та или иная картина. Назалось бы, ради общего дела нам следует поступать так же. Но, скажем, Ю. Королеву и другим руководителям закрытой много лет подраяд Третьяковской галереи сама мысль о передаче Кирилловскому музею для временной экспозиции в родной обстановке замечательного портрета Кирилла Белозерского начала XV века, вывезенного, кстати говоря, из Кирилло-Белозерского монастыря в 1918 году, кажется кошущим. Почему так происходит? Почему с молчаливого согласия Министерства культуры СССР в течение всей затянувшейся реконструкции Третьяковской галереи вологодцам нельзя было получить из ее фондов превосходную икону Николая Чудотворца XIV века, которая была вывезена из Вологодского музея в Москву в 1934 году и с тех пор лишь единственный раз (!) показана в Третьяковке — на временной

выставке, например, в Голландии, причем из поясняющих табличек всякий может узнать, кому именно принадлежит та или иная картина. Назалось бы, ради общего дела нам следует поступать так же. Но, скажем, Ю. Королеву и другим руководителям закрытой много лет подраяд Третьяковской галереи сама мысль о передаче Кирилловскому музею для временной экспозиции в родной обстановке замечательного портрета Кирилла Белозерского начала XV века, вывезенного, кстати говоря, из Кирилло-Белозерского монастыря в 1918 году, кажется кошущим. Почему так происходит? Почему с молчаливого согласия Министерства культуры СССР в течение всей затянувшейся реконструкции Третьяковской галереи вологодцам нельзя было получить из ее фондов превосходную икону Николая Чудотворца XIV века, которая была вывезена из Вологодского музея в Москву в 1934 году и с тех пор лишь единственный раз (!) показана в Третьяковке — на временной

Обескровливание местных музеев началось в 1923 году. Колоссальные передачи велись также в 1929—1934 годах, в 50-е и даже 60-е годы. Во многом они были вызваны плохими условиями хранения ценностей в местных музеях, которые насильственно в течение ряда лет по указаниям из Москвы ориентировались на грубую атеистическую пропаганду и восхваление сталинщины. Но ведь это была не вина, а беда провинции. С тех пор, однако, многое изменилось. Хранение, культура экспозиции, глубина научного изучения и популяризации старинны на местах все чаще и чаще не идут в сравнение с положением дел в столицах. Это ярко показали недавние выставки древнерусского искусства и научные конференции в Кириллове, Вологде, Сольвычегодске, Перми и других городах РСФСР.

Столичные музеи выполняли свой исторический долг. Они сохранили и реставрировали много памятников древней иконописи. Но чрезмерная централизация сокровищ древнерусского искусства в Москве и Ленинграде привела к тому, что скудные остатки памятников старины в местных музеях уже не дают никакой возможности продолжить развитие региональных художественных центров. Историческая справедливость требует теперь, чтобы отдельные произведения искусства, вывезенные когда-то в Москву до наступления лучших времен, были возвращены на исконные места.

Г. ВЗДОРНОВ.

Доктор искусствоведения,

лауреат Государственной

премии СССР.

С. ЯМЩИКОВ.

Заслуженный деятель

искусств РСФСР, член

президиума Советского

фонда культуры

г. Москва.

Средь бела дня

ограбил столичный музей своего периферийного собрата

лению, даже сейчас, во времена перестройки, в сфере культуры многое решается еще по меркам застойного периода — по чьей-либо личной прихоти, телефонному звонку, которые игнорируют и закон, и общественное мнение.

На Съезде народных депутатов СССР многие ораторы говорили о нетерпимой диспропорции в «распределении культуры» между центром и провинцией, между областью и районом, между городом и деревней и даже между Москвой и Ленинградом.

Чтобы поправить столь унывающее нас положение, надо уделить первостепенное внимание развитию культуры на местах, в которой далеко не последнюю роль играют и музеи. В этом смысле трудно было бы переоценить и возвращение Кирилловскому музею принадлежащих ему памятников древнерусского искусства из Москвы.

Средства массовой информации не раз поднимали вопрос о передаче произведений искусства из запасников московских и ленинградских хранилищ в периферийные музейные учреждения. И хотя специалисты резонно возражали, что ни один музей (столичный он, областной или районный) не может полноценно функционировать без основательного запаса, который является творческой лабораторией и резервом произведений для обновления экспозиции, опыт многочисленных зарубежных музеев свидетельствует, что вполне нормально с согласия владельцев экспонировать вещи из одного музея в другом, даже в другой стране.

выставке произведений древнерусского искусства в 1967 году?

Это происходит потому, что естественные для любой другой страны вопросы обмена художественными ценностями осложнены в СССР недовверием периферии к центру, десятилетиями забиравшему все лучшее и самое ценное из провинциальных музеев и доведшего таким образом экспозиции отдельных местных музеев до полной нищеты. В этом плане то, что делает дирекция Музея имени Андрея Рублева, не желавшая возвращать не принадлежащее ей сокровище, не боимся этого слова, является ударом по развитию национальной культуры на многие годы вперед.

А ведь не кто иной, а именно музей имени Андрея Рублева, согласно своему новому статусу координационного центра по комплексному изучению древнерусской культуры, должен был бы сосредоточить свои усилия на улучшении работы в областных и районных музеях. Да и вообще, учитывая, что основная масса памятников древнерусского искусства сосредоточена в Третьяковской галерее, Историческом музее и в музее Московского Кремля (в целом не менее 15 тысяч икон), нет никакой необходимости создавать в Москве еще одну крупную аналогичную коллекцию.

Когда в 1987 году музей имени Андрея Рублева в очередной раз сменил вывеску (теперь это уже не просто хранилище, а Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева), специалисты засомнева-